Глава 15. Засуха (3)

Ван Чжоу на секунду погрузился в тяжелые мысли, затем махнул рукой, жестом приказав всем разойтись.

Караван сделал остановку, чтобы напоить лошадей.

Желая сэкономить воду, люди прекратили готовить еду и теперь ели только всухомятку; сухую пищу лишь запивали небольшим количеством воды. Поскольку в обозе было очень много людей, на каждую группу из десяти человек выдавался всего один котелок с водой.

В свете заходящего солнца Ван Чжоу, стоя перед вереницей фургонов, строго сказал:

— У нас почти не осталось запасов. Мы должны экономно расходовать воду до тех пор, пока не найдем какой-нибудь источник.

Послышались возмущенные возгласы.

В шуме толпы громче всех был слышен голос седьмой госпожи Ван.

— Отец, почему Вы даете нам столько же воды, сколько и остальным? Почему мы вообще даем воду этим простолюдинам?

После ее слов в лагере тут же воцарилось молчание.

Все охранники и слуги опустили головы. Люди на миг затаили дыхание. В вечернем воздухе можно было почувствовать напряжение десятков людей.

Ван Чжоу взглянул на крепких стражников и одернул дочь:

— Придержи язык! Мы все находимся в одном положении, поэтому мы должны разделить упавшие на нас невзгоды. Чтобы я больше не слышал от тебя подобные речи!

Наградой ему стали благодарные взгляды слуг, как он того и хотел. Он приосанился и удалился к себе в повозку.

ХаньЮн поникла. По ее лицу покатились крупные слезы. Отец никогда не кричал на нее, и его слова глубоко задели девушку. Стоявшие рядом братья и сестры продолжали роптать, но уже не так громко.

В это время на ночном небе вышла бледная луна. Если не присматриваться, то трудно было ее даже заметить.

Караван двинулся дальше. Когда последние лучи солнца исчезли за горизонтом, люди, чтобы осветить путь, зажгли факелы. В осеннем ветру трепещущий огонь, свет которого разрывал кромешную тьму пустыни, вселял надежду в людские сердца.

Путешественники, обуреваемые беспокойством, подгоняли лошадей. В эту ночь почти никто не спал.

Чэнь Жун сидел в своей повозке и перебирал свитки из своих сундуков. Все свитки, отмеченные магией он сразу отложил. Их, как и ожидалось, было не так уж и много. В целом, подобных ценных вещей оказалось всего два десятка. Для его прошлого – целое сокровище! В прошлом-будущем ему приходилось собирать все эти знания по крупицам. Все, что было связано с магией, кланы хранили в своих стенах с истовостью драконов, лежащих на золоте. К счастью, у него был допуск в княжескую библиотеку и там удалось кое-что найти. Эти знания позволили ему продвинуться в среде оружейников – он умел делать магическое оружие. Ну не так, чтобы именно делать, но совершенствовать его мог вполне. Но он быстро понял, что все, что бы он не сделал, будет присвоено кланом, в лице его имяхранительницы – княгини Сокольской… и, хотя его регулярно опрашивали на тему: «не придумал ли он что-то новенькое» он лишь сокрушенно качал головой. Но сейчас он мог использовать свои навыки исключительно для себя. Хотя спешить не собирался, все же он часть семьи Чэнь. И там, он предчувствовал, свои подводные камни. А Жунь на втором плане постоянно зудела насчет некоего «золотого бедра». Еще бы понять, что это такое…

Но сейчас было время на изучение своего «наследия». Тут было несколько типов рукописей: книги-свитки на шелке в роскошных футлярах или обернутые дорогой тканью, книги-гармоники в связках, и стопках дощечек, по 50, цзюани - в Чу — на бамбуке, в Ци — на глиняных черепках. цэ — «связка бамбуковых планок» были еще книги формы «пальмового листа» — ботхи. Последние, насколько он помнил, были из монастырей. Сложно сказать, откуда у губернатора взялось подобное сокровище. Впрочем, его память подсказала, что отец часто ездил в путешествия. Которые точнее было назвать экспедициями. Ну и опять-таки взятки несли… люди быстро узнают, от чего чиновник не в силах отказаться. Вот и у Господина Чэнь была слабость... книги. И магические предметы. С последним было сложнее, но все же такие у губернатора тоже были. Самые ценные, вероятно, он увез с собой, но кое-что осталось. Женя выгреб все, пройдясь ураганом по всем схронам и тайникам. Благо помогала магия.

И он внимательно вчитывался в непривычные тексты. Хотя этот язык воспринимался родным, внутри находилось что-то, что такому упорно сопротивлялось. Самыми ценными ожидаемо оказались ботхи, раздвигаемые веером. Продираясь точно сквозь заросли бамбука, сквозь образные выражения, он понял, что имеет описание «ночи падающих звезд» непосредственно от очевидца. Так что оторваться было совершенно невозможно. но он и не переживал. О своем покое он позаботился.

В его обозе не было много людей. Благодаря тому, что он вовремя отдал приказы, слуги не были расточительными, потребляя лишь небольшое количество воды, чтобы утолить свою

жажду. Через один день пути у них все еще оставалось три больших бочонка свежей воды.

По этой причине люди Дома Чэнь чувствовали себя спокойно, чего нельзя было сказать о Доме Ван.

Время шло. Караван двигался уже большую часть ночи, когда до людей дошла плохая весть. Луна была высоко в небе, а они так и не нашли ни капли воды.

Разведчики, отправленные Домом Ван, не вернулись. В отчаянии Ван Чжоу послал людей, чтобы опросить крестьян из ближайшей деревни о том, где найти воду. Полученный ответ не обрадовал. Ближайший источник воды находился на расстоянии сорока миль отсюда и путь к нему пролегал по каменистой горной тропе. Даже крестьянам, всю жизнь прожившим в этом месте, требовалось очень много времени, чтобы добраться до источника. По этой причине многие жители деревни, когда им не удалось вымолить дождь у богов, были вынуждены мигрировать на юг.

Караван продолжал двигаться до самого утра. С наступлением рассвета жаждущие и усталые лошади поголовно сбежались к обочинам дороги, чтобы слизать хоть немного росы с сорняков и камней. Люди завистливо смотрели на животных, жалея, что они не могут насладиться каплями утренней росы.

К тому времени, когда солнце поднялось высоко над землей, караван остановился, чтобы отдохнуть и выработать дальнейший план действий. Разведчики так и не вернулись.

К полудню люди опустошили последние бочонки. Теперь они остались лицом к лицу с невыносимой жаждой.

У Дома Чэнь все еще было достаточное количество воды. Их энергичный вид быстро привлек внимание людей Дома Ван.

До ушей Чэнь Жун донесся стук копыт приближающейся лошади.

Матушка Пинь наклонилась к карете и прошептала:

— Господин, Дом Ван здесь.

— Хмм…— ответ был кратким и спокойным. Чэнь Жун отложил свое чтиво.

В сложившейся ситуации тон голоса юного господина успокоил матушку Пинь. Господин был ученым, он даже в такой сложной ситуации продолжал спокойно и целеустремленно «собирать знания».

Вскоре снаружи кареты Чэнь Жун услышал извиняющийся голос Ван Улана:

— Сяо Жун, простите мне мой самонадеянный визит. Пожалуйста, не обижайтесь…

Занавеска мягко отъехала в сторону, отодвинутая изящной кистью руки.

Ван Улан засветился от радости, когда увидел Чэнь Жуна, но в его душе зажегся огонек ревности и зависти. В такую жаркую погоду лицо юноши оставалось сухим и чистым, темные волосы блестели, и он совсем не выглядел изможденным. Если сравнивать его с ними, Домом Ван, куда делся их элегантный и изысканный вид? Сяо Жун сделал приглашающий жест рукой. Улан тут же переместился в повозку, оглядываясь по сторонам и отмечая, насколько было продумано убранство и оборудование внутри. В самой повозке было прохладно и приятно пахло травами. Сяо Жун сел у раскладного столика из розового дерева и предложил гостю угоститься. На столе стоял магнитный чайный набор рисового «зерна».

Чэнь Жун с улыбкой посмотрел ему в удивленные глаза, подавая чашку прохладного отвара шиповника, сдобренный пилюлей «чистоты» одной из первых - желтой. Но и этого хватало, чтобы снизить потребность в воде и пище. Тот удивительно погасил жажду. Прежде, чем кто-то смог что-то произнести, Чэнь Жун неторопливо сказал:

— Если вы не возражаете, тогда эта бочка ваша. Раньше она использовалась как моя ванна и вода в ней относительно чиста. В оставшихся двух бочках мылись мои люди, и я боюсь, что вода в ней лишь очернит вас.

Он был искренен.

Чэнь знал, что эта засуха не распространилась далеко на юг. Через несколько дней они смогут выйти из этого затруднительного положения. Но сейчас ему нужно было получить расположение Дома Ван, а также хорошую репутацию, которая станет залогом его благополучной жизни в будущем.

Члены Дома Ван не ожидали, что Чэнь Жун будет так любезен и сам поделится с ними водой. Ожидая услышать отказ, седьмая барышня Ван уже придумала десяток обвинений и оскорблений в его адрес, но ни одно из них не понадобилось!

Она даже порвала свой любимый платок по этому поводу и сломала заколку.

Хань Юн никогда не думала, что отец отругает ее. Более того, она никогда не слышала такого отвращения в его голосе по отношении к ней. На глазах навернулись слезы. Шмыгая носом, девушка опустила занавеску и забилась в угол своей душной повозки, обливаясь потом и ощущая максимум дискомфорта, как физического, так и морального. Вскоре после этого изнутри послышались рыдания.

— Юн ер(1) еще слишком юна. Она порой не понимает, что говорит, — заступился за девушку мужчина средних лет, прислушиваясь к рыданиям.

— Она и Сяо Жун из Дома Чэнь - одного возраста. Почему она еще слишком юна, а Сяо Жун уже знает, как себя правильно вести? — проворчал Ван Чжоу. Он даже не стал уточнять, что еще несколько юношей – их ровесники, и вовсе ведут себя как дети, находясь при матерях. – Это при том, что на мужчин ответственность ложится после 20. А на девушек с замужеством, в 14-16. Но Сяо Жун уже ведет обоз своего Дома, а моя дочь только ноет и говорит, чего ей не хватает, а если завтра ей придется стать госпожой такого обоза?

Затем он вздохнул и закрыл глаза.

— Пригласите Сяо Жуна.

Чэнь Жун не застал себя ждать, прибыв верхом сразу же, как его пригласили, в сопровождении Ван Улана.

Соблюдая дистанцию, он поклонился Ван Чжоу, который сидел в своей повозке, и почтительно сказал:

— Приветствую Вас, господин Ван.

Лицо юноши и тон его голоса были такими же уважительными как два дня назад, если даже ни больше.

Видя его почтительно отношение, Ван Чжоу перестал хмуриться и бессознательно расслабился. Он ласково помахал ему рукой и крикнул:

— Сяо Жун, подойдите ближе.

— Слушаюсь.

— Сяо Жун, пожалуйста, скажите мне, откуда Вы узнали, что будет засуха? Почему Вы так настойчиво велели своим людям наполнить бочки и намочить ткань? Вы получили предсказание от богов? Как еще Вы могли узнать, что произойдет такой поворот?

Пристально наблюдая за глазами Чэнь Жуна, мужчина умышленно надавил на слово «богов». Ван Чжоу, сам того не осознавая, давал себе надежду.

Чэнь Жун понимал, на что он надеется. Быстро поклонившись, он сказал:

— Все было так, как Вы говорите.

При этих словах мужчина засветился от счастья, а шепотки в стороне мигом прекратились.

— Когда мы прибыли в этот округ, мне приснился пожилой беловолосый мужчина, который стоял в центре высохшего поля и вздыхал. Мои люди знают, что с некоторых пор мне снятся странные кошмары. Два дня спустя я услышал, как братья из Дома Ван говорили, что на полях слишком мало воды. Именно тогда я вспомнил свой сон и пришел, чтобы предупредить Вас, — послушно рассказал все Чэнь Жун.

— Значит, это было божественное предупреждение, — вздохнул Ван Чжоу, качая головой. — Моя ошибка заключается в том, что не верил в сверхъестественное…

Это была эпоха, когда люди уже отвергли конфуцианство, тенгрианство, даосизм и буддизм широко распространились по стране, а моизм(2) все еще был популярен среди знати, пытаясь даже эфир как-то научно обосновать. Хотя пришедшая магия его стремительно разрушала, делая приоритетным именно тенгрианство. Ван Чжоу прикрыл свою ошибку простой фразой «Я не верил в сверхъестественное». Несколькими простыми словами он снял с себя вину в том, что не выслушал Чэнь Жуна в тот день.

В этот момент не только Ван Чжоу, но и вся молодежь Дома Ван уважительно посмотрели на подростка. Он не только открыто признал то, что получил божественное предупреждение, но также отметил, что семья Ван и сами давно подозревали о засухе (когда два брата говорили о сухих полях). Следовательно, даже, если пойдут слухи, в них будет говориться лишь о людской безответственности. Ведь указ подготовиться-то - был! Но в силу небрежности прислуги подготовка оказалась некачественной.

Ван Чжоу огладил свою бороду. Услышав то, что он и хотел услышать, мужчина махнул рукой, позволяя Чэнь Жуну вернуться к себе.

Едва юный всадник отъехал от его повозки, Ван Чжоу, подумав о чем-то, поспешил спросить:

—Сяо Жун, старец из сна сказал Вам, сколько еще дней продлится эта засуха? — Проявляя заботу об их общей судьбе, он спросил о том, что действительно хотел узнать: — Через сколько дней мы выйдем к воде?

Чэнь Жун развернул лошадь. Он поклонился и покачал головой, смиренно ответив:

— Этого я не знаю.

Увидев разочарование Ван Чжоу, он неуверенно добавил:

— Возможно, что осталось ждать совсем недолго.

— Надеюсь, что так и будет. Вы можете идти.

— До свидания.

Ван Чжоу наблюдал за постепенно удаляющимся грациозным всадником, поглаживая свою длинную бороду.

- Чэнь Жун - прекрасный молодой человек. Я думаю, что он станет отличной партией для моего сына! — неожиданно для всех воскликнул мужчина. И тут же оговорился – При условии, что тот сдаст экзамен, конечно.

Чэнь Жун вернулся к себе и подал няне флакон с пилюлями выносливости.

— По одной людям и по две животным.

Та поклонилась и, ничего не спрашивая, тут же бросилась выполнять указание.

---

1) Имя’ер; А' имя – приставка к имени, ласковое обращение к кому-то близкому; аналогично ласкательным именам у нас. На примере: Иванова Мария – аналог - Чэнь Жун, Маша – А Жун, Машенька – Жун-ре, Машутка, Манечка - Сяо Жун

2) Мои́зм – древнекитайская философская школа, которая разрабатывала программу усовершенствования общества через знание.

.

http://tl.rulate.ru/book/1285/36065